

БОРИС ЕГОРОВ

КУВАЛДА И ЛЮБОВЬ

Борис Егоров

Кувалда и любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31187142

ISBN 9785449061188

Аннотация

Борис Егоров – автор трилогии «Исповедь раздолбая» и нескольких сборников рассказов. Его рассказы – и грустные, и смешные...

Содержание

Любовь к французской бабушке	5
Пес по имени Гаврила	10
Психология, в натуре...	13
Сказать по правде...	15
Обидно, понимаешь...	18
Таня с усами	21
Скушали собачку...	23
Трехклеточные шашки	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Кувалда и любовь

Борис Егоров

© Борис Егоров, 2018

ISBN 978-5-4490-6118-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любовь к французской бабушке

Я так прикидываю, что не новость сейчас скажу. В том смысле, что телефон звонит, как правило, тогда, когда он и на хрен не нужен. Тем паче – в те времена благословенные, когда мобилок не было, и длинный шнур достать все никак руки не доходили. И приходилось вставать и физдюхать в коридор на призывные, мля, пронзительные трели.

Вот и в тот недобрый раз. Лежал я в люле, не шалил, никого не трогал. В башке была только одна мечта-идея – чтобы меня никто не трогал. Потому, как Его величество Похмельный синдром в очередной раз мне конкретно доказывал – чем было лучше вчера, тем хреннее будет завтра. (Хреннее – термин слабоватый, однако...)

Кароче. Зазвонил этот пидорас. В смысле, телефон. Печальная история. Надо ить откликаться. Я же свой номер давал только хорошим людям. А они обычно просто так не звонили – только по солидным причинам. Ну, там... выпить позвать. Или... побухать пригласить.

В общем, сначала я крутанулся в люльке и упал на пол. Синдром с перепугу притих. На четвертеньках добрел я до коридора, сел на пол спиной к стене и снял трубку.

Оказалось, потревожила меня старая знакомая Елена Борисовна. Красивая дама постарше чуток меня. Работала она не помню где, в общем, с интуристами что-то такое связано.

У нас с ней было... вначале. Но без продолжения – женщина она была прагматичная, и сразу сказала мне, что я для нее – бесперспективный. Но как-то получилось, что Ленка перешла в статус боевых подруг. Да и хрен с ней.

Голос у нее был очень приятный, особенно когда она смеялась. Меццо-сопрано пополам с контральтой. Но почему-то матом ругалась всегда пропито-прокуренным баритоном. Мнэ-э... О чем это я? Ах, да...

Ленка с места в карьер растарактелась своей контральтой. Я ее не слушал, пару минут набирался сил, а потом прохрипел в трубку: «А иди ты... в жопу». Девочка она была умная, сказала: «Суду все ясно. Сейчас приеду, открой».

И правда приехала. И не с пустыми руками. Через где-то минут сорок я стал способен воспринимать адекватно поступающую извне информацию.

В общем, собрался Ленка в очередной раз бракосочетаться. Нынешний кандидат-избранник оказался натуральным французом родом аж из самого Парижу. И звали его – Ив.

Я разинул пасть и запел: «И-и-ивушка зяле-е-еная...» Ленка заткнула меня подушкой и баритоном сказала: «Убью, ссука! Я же к тебе за помощью!» Ну, у меня сработал рефлекс и я стал действительно слушать.

И наслушался, конечно, полной хрени. Жених-лягушатник собрался со своими родственниками нанести невесте официальный визит. Поэтому, по словам Ленки, кабаки-ре-

стораны исключались. Ей надо было показать свою домовитость и неодолимую склонность к семейному уюту. И она, хрен ее знает почему, решила, что из ее корефанов только я смогу организовать такой стол, который будет сочетать в себе элементы аристократизму и чисто русские национальные мотивы.

Выслушав всю эту ахиною, я с удовольствием поржал, почесал у себя все, куда руки дотягивались, и мотнул башкой: «А я тогда хлебнул кваску и сказал: «Согласный».

Нда. Уж. Два дня я жил у Ленки. Поднял все свои старые связи. Пришлось у соседей арендовать еще один холодильник. Насчет финансов Ленка дала мне карт-бланш, поэтому... Международных деликатесов было полно. Из кавказского ресторана я приволок маринованное мясо, все, что к нему полагается по уму, и мангал, который впехерил на балкон. Из не скажу какого кабака привезли студень, блины с икрой и холодного поросенка с запасом хрена. Ну, сейчас я уже и не вспомню все меню. До хрена, короче, всего было. Напитков тоже я набрал – типа, Политбюро собрался упоить.

Думаю, можно не упоминать о том, что сам я постоянно подстегивался и вдохновлялся... из запасов.

Ну, я вам скажу. Банкет получился – только кино сымать. Гостей было пятеро – жених Ив, его дядя Шарль, две какие-то тихие тетки и мадам хрен поймешь, какого возраста.

Ну, приехала делегация. Я был весь из себя гордый и пьяный – Ленка меня всего обцеловала за ту тяжелую гастро-

номическую артиллерию, которую я приготовил. Для начала французы остолбенели при виде стола. Там действительно жратвы было человек на полсотни.

Ну, а потом события стали потихоньку развиваться. Дядя Шарль отдувался за всех, помню. Жрал – как из голодного края приехал. Теток вообще не припоминаю. Ленка с Ивом все время пропадали куда-то. А у меня, по ходу, малость перемкнуло в башке, и я стал бабульку охмурять. На лирику, мля, тоже потянуло. Маленькая, худенькая, смешливая красавица. Глянесь – да ей лет шестьдесят, как минимум. Тяпнесь стаканище – да ну, от силы тридцатник. Как бабулю звали – не помню. Зато помню, что она все смеялась над моим охмурением, когда я орал: «Мадам! Же не манж па сис жур, едрена шишка!» В пределах, тэкс-скэть, гимназического курса. А вот когда я начал ее руками хватать... Уж очень тонкия у аристократок организмы. Я ж в молодости как считал – чем крепше обоймешь, тем понятнее, что я настоящий мужчина, и страсть во мне вулканички бурлит. Начала бабулька франсе от меня бегать по кваритре. Потом, помню, Ив-жених меня унимать начал, за руки хватать. Возмутило это самоуправство мое нутро, я рявкнул: «Ленка, уйми своего Монтана, а то вдовой останешься, не успемши ничего!» Прямо можно сказать – было весело, и гости не скучали.

Ну, ладно. Ленка и правда за Ива замуж вышла. В прошлом году в фейсбуке повстречались. Скайп попользовали. Все в гости звала. Двое детишек у них, большие уже. Ив по-русски боль-мене начал говорить. Ржал, говорил, что бабушка в Париже по мне долго скучала...

Пес по имени Гаврила

А проснулся я... от какого-то неудовольствия. Что-то холодное и мокрое тыкалось мне в щеку. Фу-ух... Продрал глаза, приподнял башку. Ничего себе! Сплю-то я, оказывается, на скамейке, на автобусной остановке. И прохладно, однако.

Народу кругом никого, а в щеку меня тыкал, по ходу, носом какой-то пес. Небольшой, лохматый, не сказать, что худой. Но без ошейника.

Я кое-как прокашлялся: «Ну... и какой манды тебе от меня надо, собакевич?» Пес мотнул пару раз хвостом, лег и отвернулся. Типа, мое дело было тебя разбудить, а так-то ты мне и на хрен не нужен.

Ну, и на том спасибо. Действительно, место для отдыха я нашел... не очень. Охая и по-тихому матерясь, кое-как сел в вертикаль. Итак. Что мы имеем?

Башка трещит, все тело болит, места – незнакомые. Ревизия карманов малость утешила – на пузырь есть. Поскрипел шеей туда-сюда. Ага, вон напротив вывеска «Продукты». С третьей попытки встал, сказал: «Бывай здоров, благодетель». А пес на меня глянул... как-то странно взглянул. Ну, думаю, Бог с тобой, своих проблем хватает.

Магазин, по счастью, был открыт. Продавщица – симпатичная мадам лет тридцати. Спросила: «Выспался, красавец?» Я так тупо на нее посмотрел, выложил свои резервы

на прилавок: «Будьте добры...» Она, не глядя, протянула руку и поставила передо мной бутылку водки.

И тут начался какой-то оккультизм. Вместо того, чтобы взять бутылку и валить, я провякал: «Нет, мне чекушку. А на остальное – что-нибудь, чем можно собаку покормить. Подешевле и побольше». Продавщица с пристальным любопытством посмотрела на меня: «А ты чего, всех собак кормишь?» Я говорю: «Да нет, просто этот кореш вовремя меня разбудил». А она засмеялась: «Ну, подожди, сейчас». И ушла в подсобку. Вернулась с большой миской, полной чего-то съедобного: «На, Гавриле отнеси. Это я его так зову».

Отнес. Гаврила этот совсем не удивился, что я приперся с миской. По-быстрому, с хорошим аппетитом умял все, вылизал посуду и мотнул хвостом – типа, благодарствуем. Я только плечами пожал: «Да на здоровье...»

В магазине выяснил, что продавщицу зовут Марина, сам представился. Узнал, что Гаврила, похоже, брошенный пес. Он с утра до вечера встречает все автобусы, вроде кого-то ждет. На ночь пропадает. Марина хотела его забрать к себе – у нее свой дом – но пес не пошел. Только кормежку принимает.

А дальше... дальше оккультизм кончился, начался сплошной романтизм. Мы сидели с Гаврилой на остановке, я уже похмелился, и делился с друганом ста граммами карамели «Клюковка». Периодически орал: «Дай, Гаврила, мне на счастье лапу!» И пес от души тянул мне свою корягу.

А потом вдруг подошла Марина. Кончился у нее рабочий день. Поглядела на наше безобразие, сказала: «Сейчас менты объезд будут делать. Заберут тебя». Я махнул рукой: «Хрен с ними. Все не на улице. А до дому добираться – денег нету». Марина вздохнула: «Ладно, пошли. Я тебе в летнике постелю. Если только буянить не будешь». Встал я, отряхнулся, недопитый пузырь сунул Маринке в сумку, которую у нее забрал – и пошли мы. Вдруг она зажала себе рот ладошкой. Потом шепчет: «Боря! Гаврила с нами идет!» Я глянул – точно. Пес пристроился к нам в кильватер.

Короче, пес так и остался у Маринки. А меня через некоторое время алкогольные водовороты – дальше понесли...

Психология, в натуре...

Не, оно конечно. По всякому бывает. Но я все ж таки обратил внимание, что частенько встречается по жизни вот такая вот ситуевина.

Собирается компания людей, имеющих с бухлом отношения плотные и целеустремленные. Но, кроме этого основного свойства их натуры, сами по себе они, естественно, все разные. И вот в какой-то момент застолья возникает в компании этой состояние очень неустойчивого равновесия. Достаточно малейшего эмоционального толчка извне, и всю компанию разом накроет либо вселенская любовь и нежность к друг дружке и всему остальному человечеству, либо ощущение мировой несправедливости и стремление наказать всех нехороших людей руками, ногами и подручными средствами.

Было дело, шел я как-то, гулямши. Как я был весьма и весьма поддамши, настроение имел очень... игривое. И у меня еще с собой было. Душа настоятельно потребовала общения с хорошими и понимающими людьми.

За доминошным столом сидело человек пять. Бутылки, ливерная колбаса, сырки плавленые на газетках – все, как у интеллигентных людей. Я обрадовался и, чтобы сразу показать свою коммуникабельность и знание обхождения, громко заявил: «Все вы – жалкие и ничтожные люди!» И первым захо-

хотал, ожидая в ответ услышать что-нибудь типа – «Пилите, Шура, пилите...»

К моему удивлению, смех мой никто не поддержал. А ответили мне хорovým матом.

Кстати, долго удивляться мне не пришлось. Очнулся я в кустах за детской песочницей. Все болит, сумки с догоняловом нету. И – тишина...

Кое-как встал я, определился примерно, в какую сторону шкандыбать. Сказал сам себе: «Ну и мудаки же вы, ваше благородие!» И побрел домой...

Сказать по правде...

Да не, мы выпили немного. Хотя... точно я не могу сказать – сколько.

Все начиналось в Центральном Доме журналиста (один из сокурсников был членом союза и по своему удостоверению протащил нас вовнутрь). По разным причинам вся наша компания была при деньгах. И мы заказали такой стол, вроде как были непогасимыми светильниками отечественной журналистики.

Быстро дойдя до соответствующей кондиции, стали изучать окружающую среду. Петя, хорошо владеющий английским, ушел долбать мозги каким-то иностранцам. Серега – который член – ходил по залу хвостом за оч-чень симпатичной официанткой. А я оказался за столом у знакомого по газете «Правда» журналиста-международника, который занимался Латинской Америкой.

То, что мы уходили сами из ЦДЖ – этот точно. Типа, нас не выгоняли (в смысле, нас с Петей, потому как Серегу-члена где-то затырила официантка). Наверное, местные вышибалы постеснялись иностранцев-журналистов, с которыми подружился Петя, и которые, как оказалось, пригласили нас всех в гости.

А дальше... дальше все вспоминается... как-то эпизодически.

Эти буржуазные гиены и акробаты пера привезли нас в какую-то квартиру. Комнат там было много, помню, каждый раз, возвращаясь из туалета, я попадал куда-то в новое место. Гремела иностранная музыка, чего-то мы пили, кого-то я тискал, опять чего-то пили, опять... меня кто-то тискал...

Ну, просыпаюсь. По пояс голый, но в джинсах и в боксерах. Лежу на просторной кровати. Рядом – дама сидит голышом, газету читает. Век воли не видать – иностранную газету. Я на всякий случай просипел: «Кес ке се?» Дама повернула головку и презрительно меня оглядела: «Говно это, Василий Иванович». Ни хрена себе, думаю, иностранка.

Кое-как поднялся я, спрашиваю: «А Петя где?» Дама отшвырнула газету: «Какая вам еще Петя! Ах, Петер! Вот он, в отличие от вас, вел себя прилично и сейчас отдыхает заслуженно в соседней комнате». Ох... Напялил я свою водолазку и пошел искать корефана. Лучше бы не ходил. Потому, как пришлось Петю тащить на себе. Он висел на мне, как старый пиджак, и бормотал: «Брось меня... мля... пристрели меня... мля...»

А у подъезда меня с грузом ласково встретили суровые дядьки. И в черной «Волге» куда-то отвезли.

Оказалось, что я опять подрывал устой социалистического государства и продавал Родину оптом и в розницу за капиталистические подачки. Ну, что я мог им ответить, когда в голове билась только одна мысль: «Выпить бы сейчас...»

Кончилось все тем, что позвонили моему папане, он их

всех послал и сказал, чтобы делали со мной все, что полагается делать с врагами народа. Обескураженные дядьки совсем растерялись и в конце концов сказали: «Забирай своюдохлятину и вали отсюда. Враг народа, мля...»

Долго мы с Петей пивом отпивались...

Обидно, понимаешь...

Ранняя весна была для меня хреновым временем. От прошлогодних буровых заработков оставались крохи, до начала следующего сезона надо было ждать еще месяц с лишним. Вот и сидел я на диете – ни толком выпить, ни... насчет клубнички порысачить. Да еще погода совершенно... мерзопакостная.

И возвращался как-то домой из похода в магазин. Раньше я в нем, было дело, работал. Поэтому не отказался от угощения корешей-грузчиков. Так, пару стаканов водки. Потом купил хлеба, несколько пакетов-супчиков и две сиротских бутылки пива.

Захожу в подъезд. Твою же мать! На ступеньке лежит дохлый котенок. Маленький, грязный, как не знаю, кто. Ну, взял я этого жмурика двумя пальцами за хвост, хотел убрать с дороги и с глаз. А котенок на это – пискнул. Оказалось – живой. Ну, еш твою клеш-то!

Не, врать не буду. Не знаю, как бы я поступил на трезвую голову. А тут че-то сочувствие проснулось. У меня самого жизнь тоскливая, но я хоть на лестнице не валяюсь полудохлый.

Принес я этот комок грязи домой. Сказал ему: «Кореш, ты меня извини, конечно. Но я – уж никак не ветеринар. Так что попробую тебя откачать по-человечески. Ежли кряк-

нешь – не обессудь. Судьба, стал быть, у ты такая».

Выносливый оказался котяра. Выдержал и мытье, и мое общупывание. Вроде все у него оказалось цело. В смысле костей.

В общем, сходил я в аптеку и опять в магазин. Отпоил Чучу (дал я ему имя такое – Чучело) молоком теплым, сначала из пипетки, потом из соски. Витамины, помню, еще детские подмешивал.

Дней через десять эта падла уже могла запрыгивать на кровать и ложиться спать, сука, у меня на голове. Ну, я на него ругался чисто для порядка. И заняться мне из-за него было чем, и время быстрее пошло. Да и просто в компании жить веселее.

Позвонил мне мой старший мастер из Казахстана, выяснил, что я приеду, как обычно. И сказал мне, чтобы я не дурил и не тащил с собой кота – пятидесятиградусную жару кот вряд ли выдержит долго. Да и скорпионы-фаланги опять же...

Пришлось мне обращаться к соседке этажом ниже – ради которой я с балкона летал. Ну, Чуча своей симпатичностью и дурацким характером Ираиде очень понравился. Договорились мы с ней – за полгода содержания домашнего животного я буду ей должен кило черной икры. На том мы с Чучей и расстались.

Отработал я свое в пустыне, вернулся благополучно. Сразу пошел к Ираиде за своим корешем. Боже ж ты мой! Он

отожрался до такой степени, что и на кота-то перестал быть похожим. И на мое появление вообще не прореагировал. Ираида, глядя в потолок, сказала: «Боря, если хочешь – Жан может еще у меня пожить». Жан, мля!

Вечером Иродиада пришла ко мне за икрой, и я до утра мстил этой женщине за то, что я опять в жизни разочаровался.

Не. Хочешь, чтобы тебя и твое добро не забывали – дружись с собаками.

Таня с усами

Студенческое общежитие – это вещь в себе. Сиречь – непознаваемая. Днем оно ничем не отличается от обычного жилого дома с коммунальными квартирами. А вот ночью... ночью вступают в силу какие-то оккультические законы. Начинаются всякие страсти-мордасти, в рассказы о которых днем никто не верит.

В нашей общаге туалет был в конце коридора, в котором, кстати, свет гасился на ночь – для конспирации. И, выныривая из пучины разврата, приходилось что-то на себя накидывать – типа простыни – и долго шлепать босыми ногами по липкому линолеуму. Если сталкивался в темноте с кем-то в коридоре, то оба персонажа молча делали вид, что они – привидения.

Подружка моя второкурсница филфака Таня была девочкой очень энергичной. Кроме изучения филологии, она еще постоянно прыгала в длину, и допрыгалась до кандидата в мастера спорта. Короче, здоровье у Тани было, как у лосихи, и в койке она мне не давала ни минуты покоя. Меня это не особенно смущало, но все же, когда она отправилась насчет пописать, я с удовольствием вытянулся на постели и блаженно закрыл глаза. Мне было очень хорошо, я даже вроде прикемарил.

Очнулся от звука закрываемой двери – Танюшка верну-

лась. Я встрепенулся и раскрыл объятия. А она почему-то полазила в темноте по комнате, хватаясь за вторую кровать (соседка Танина была в отъезде). Потом добралась до меня и рухнула сверху. Мне шибанул в нос острый запах какой-то конюшни. Или тесного спортзала в разгар тренировки. Я не успел ничего сообразить, как меня Таня поцеловала. И я с диким ужасом определил, что, пока она ходила в туалет, у нее выросли усы!

Что значит – экстремальная ситуация. Руки и ноги у меня сработали с такой силой, что это усатое непонятное высоко взлетело и с грохотом рухнуло на пол. Сам я в два прыжка оказался у двери и зажег свет. На полу валялся в полубеспмятстве мой знакомый грузин Вахтанг.

А потом пришла настоящая Таня. Сначала долго разбирались. Ваха объяснял мне, что с устатку попутал комнаты. Я объяснял Таньке, что у меня нет склонности к педерастизму. А она нам обоим втолковывала, какие мы идиоты. Ну, а потом стали все вместе ржать.

Кончилось все тем, что Вахтанг закутался в свою простыню и ушел. Минут через десять вернулся со своей подружкой и с сумкой. В сумке была литровая бутылка убойной чачи и всякие грузинские штучки, типа чурчхелы и сулугуни. И нажрались мы все от нервного потрясения до поросячего визга...

Скушали собачку...

Странная это была история. Честно сказать, много уже лет прошло, а я так и не определился – как ко всему этому относиться.

А дело было так. Отвез меня Вадик-эксплуататор в дачное товарищество. Он там скупил десяток участков, на которых выращивал картошку. А один участок возле речки выбрал для постройки дачного дома и бани – возжелал иметь место для культурного пьянства и разврата. Шашлыки-машлыки, голых девочек из бани в речку выкидывать, и тому подобное. Завез Вадик туда море стройматериала и меня.

Ну, мне не привыкать. Работаю и работаю. А, пока баню строил, познакомился с соседями. С одной стороны жила семейная пара пенсионеров. У них был теплый дом с соляrouchным отопительным котлом и электрогенератором. В этом доме супруги после развала Союза спрятались от социальных катаклизмов. Солярку и продукты им привозили взрослые дети.

А с другой от меня стороны жил Ахмед. Он, вообще-то, был русским Серегой. Вояка-майор, везде полазил на своем танке, где стреляли. Потом устал головой, все бросил. Жена от него ушла, пока он в Чечне пластался, детей не было. Чтобы унять душевный разброд, как я понимаю, Серега стал искать утешения в поисках Бога. Попробовал православную

церковь, баптистов – не ужился ни там, ни сям. А вот ислам ему пришелся по душе, и стал он обрезанным Ахмедом.

Сергея постоянно приходил ко мне со своим псом Абреком. (Пес был умница, помесь, по мне, кавказца с... инкогнитой.) Попытки соседа помогать мне в стройке я сразу грубо пресек. Поэтому Сергей просто сидел рядом, я строил, и мы трындели об жизни. Я ему про свои пертурбации рассказывал, он мне – про свои. Беседы наши шли на трезвую голову – Сергей, как стал Ахмедом, водку отторг, а я, когда работал, вообще не пил.

А потом... потом и началось. Дня два Сереги не было. Появился он без Абрека, но, к моему удивлению, с двумя бутылками водки. И сам явно был уже поддатый.

После скупого майорского рассказа мне оставалось только шлепнуться жолой на шлакоблок и закурить. В общем, появились в этих местах два бича. И начали они с того, что убили собакевича Абрека. Сергей нашел их сразу – по дыму от костра, на котором они варили собачатину. Даже успел послушать их разговоры про то, что нутряной жир собачий они обменяют на спирт у корейцев, а из шкуры сделают себе пояса для профилактики, мля, радикулита.

Кароче, чтобы не жевать мочалку. Убил Сергей-Ахмед эту парочку. А потом повесил их на чьих-то воротах.

Попил Сергей Алексеевич еще водки у меня. Да и я приложился на прощание с ним. Потому, как меня он не слушал, и поехал сдаваться ментам.

Сдался. Восемь лет отстегнули ему. А мне потом опер знакомый из линейного отдела – бухали как-то с ним – сказал: «Иди, Боря, в жопу вместе со своими церквями! На хрена оно мне надо? Чтобы, как того майора-танкиста, совесть грызла и в тюрьму сажала за каждое говно? Кой х.й его понес сдаваться? Кто бы этих бичей искал?»

А в ответ – тишина...

Трехклеточные шашки

Бытовая зарисовка

На кладбищенском бичевском стойбище публика собиралась самая разнообразная. Было несколько постоянных хранителей очага, которые периодически устраивали что-то вроде армейской дедовщины. Но, в основном, контингент иенялся часто.

Меня на кладбище заносило только в минуты жажды и тоски. Типа, некуда было вообще приткнуться, или последний шанс похмелиться. Вот и в тот раз я приперся туда, как кусок пустыни Сахары – весь сухой и в трещинах. По старой памяти нашлись люди, которых я выручал в подобных ситуациях. Так что меня обильно подлечили, дали копченой конины и чаю. Я лег на чей-то тюфяк, закурил и расслабился в ожидании возвращения моего естественного статус-кво.

Рядом присел один из старожилков – со странным погонялом Свекла. Он рассказывал мне местные новости. Из них я узнал, что к стойбищу прибилась компания из Целинограда. Они с места в карьер занялись разработкой золотой жилы, о которой местные бродяги даже и не подозревали.

В те года почти весь райцентр сидел без газа. И вновь прибывшие бичи-специалисты лазили в один люк за другим и имеющимся у них необходимым инструментом снимали

там все, что было из цветного металла. А было, говорят, много.

Командовали у приبلудных двое – баба непонятного возраста по имени, мля буду, Жизель, и ее сожитель, имевший два срока за убийства угрюмый дядя с красноречивым именем Обух. Так что дисциплина была у них... боль-мене.

Ну, вот. Мне бы валить оттуда – чего, похмелился, Свекла еще по доброте душевной с собой дал и того и сего. А я, чудило, решил еще отдохнуть.

Очнулся я от шума. Как Свекла мне потом объяснил, у газовиков начался бунт на корабле. Бичи спяну матом выразили недовольство – типа, они уродуются по колодцам, а Жизель с Обухом ни хера не делают, а деньгами командуют.

Ну, мне подобные разборки давно уже надоели, я сделал несколько приличных глотков из пузыря и занюхал рукавом. И вот тут-то я и охренел. Вы не поверите, что я услышал. Хриплый, но явно женский голос громко произнес: «Не, братва! Это нонсенс какой-то получается, а не консенсус!» И тут же раздался мужской бас: «Какая тут падла недовольная?» И бродяги притихли.

А меня, как всегда ни к месту, смех разобрал. Ну, в такой обстановке – и такие слова слушать. Консенсус... Ну, я возьми, да завопи: «Я сам старый католик и латинист!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.